

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 008: 17.021.2: 291.13

EDN: JYVDJS

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-16

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ МИФОВ

Елена Людиговна Яковлева

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, Казань, Россия

mifoigra@mail.ru

Аннотация. Актуальность и цели. В современности становится важной идея формирования личности на основе ценностей российской цивилизации, что заставляет обратиться к советскому периоду истории России и вопросу конструирования советского человека. Целью исследования избраны советские мифы, посредством которых формировался новый тип личности – советский человек. Материалы и методы. Реализация исследовательских задач осуществляется на основе изучения транслируемых в советском государстве текстов, связанных с образом советского человека. Методами исследования избраны аналитический и герменевтический. Результаты. Анализ текстов показал, что в качестве распространенных нарративов конструирования индивида выступили мифы о советском человеке, базирующиеся на архете Пометея, о вожде, включающие в себя архетипы Мудрого старца, Воина и сверхчеловека, советском народе, обладающем определенной избранностью и единством с партией, о нравственных ценностях, способствующих формированию определенных качеств советского человека, героизме и классовой борьбе, где обязательным считался образ врага, с которым необходимо было бороться. Эффективности внедрения мифов в сознание человека способствовали законы мифотворчества. Среди них назовем использование бинарных оппозиций, принцип подобия и закон сгущения. Тиражируемые в Советском государстве мифы представляли собой телеологический конструкт, формирующий советского человека, ориентирующий его в мироздании и способствующий стабильности бытия. Выводы. Внедрение мифов в сознание большого количества людей имело не только положительные, но и негативные аспекты, в том числе подавляло критическое мышление, приводило к конформизму и нетерпимости к инакомыслию, рождало двойные стандарты. Понимание сути и механизмов действия советских мифов в современных условиях поможет сформировать новые мифы для конструирования самодостаточной личности, обладающей ценностными ориентирами российской цивилизации.

Ключевые слова: миф, советский миф, миф о советском человеке, архетип Пометея, миф о вожде, образ врага, законы мифотворчества

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Конструирование советского человека посредством мифов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 164–178. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-16 EDN: JYVDJS

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

CONSTRUCTING A SOVIET MAN THROUGH MYTHS

Elena L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia

mifoigra@mail.ru

Abstract. *Background.* In modern times, the idea of personality formation based on the values of Russian civilization is becoming important, which makes us turn to the Soviet period of Russian history and the issue of constructing a Soviet person. The purpose of the study is Soviet myths, through which a new type of personality was formed – the Soviet man. *Materials and methods.* The implementation of research tasks is based on the study of texts broadcast in the Soviet state related to the image of a Soviet person. The analytical and hermeneutic methods of research are chosen. *Results.* The analysis of the texts showed that the myths about the Soviet man based on the archetype of Prometheus, the leader, including the archetypes of the Wise Elder, the Warrior and the superman, the Soviet people possessing a certain chosenness and unity with the party, moral values contributing to the formation of certain qualities of the Soviet man, heroism and class struggle appeared as common narratives of constructing the individual where the image of an enemy that had to be fought was considered mandatory. The laws of myth-making contributed to the effectiveness of introducing myths into human consciousness. Among them are the use of binary oppositions, the principle of similarity, and the law of condensation. The myths replicated in the Soviet state represented an ideological construct that shaped the Soviet man, oriented him in the universe and contributed to the stability of existence. *Conclusions.* The introduction of myths into the minds of a large number of people had not only positive but also negative aspects, including suppressing critical thinking, leading to conformism and intolerance to dissent, and creating double standards. Understanding the essence and mechanisms of action of Soviet myths in modern conditions will help to form new myths for the formation of a self-sufficient personality with the value orientations of the Russian civilization.

Keywords: myth, Soviet myth, the myth of the Soviet man, the archetype of Prometheus, the myth of the leader, the image of the enemy, the laws of myth-making

For citation: Iakovleva E.L. Constructing a Soviet man through myths. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State".* 2025;13(4):164–178. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-16

Миф относится к числу вечных символических форм культуры, оказывающих мощное влияние на бытие общества и отдельного человека. В его содержании обнаруживается «сочетание компонентов действительного мира и мира художественного вымысла», «элементов магического и технического мышления» [1, с. 16, 116]. Осознавая мощную роль мифа, способного абсолютизировать какую-либо идею и воздействовать на массы, государственный аппарат эксплуатирует его в социальном пространстве. «Миф оказывается необходимым, объективным и уникальным средством хранения и использования совокупного социального опыта», и он выступает «в качестве инструмента для осмыслиения той реальности, в которой существует социум» [2, с. 34]. В качестве других причин обращения к мифу со стороны властных структур назовем его определенную простоту, историчность и универсальность. Так, Е. М. Мелетинский, размышляя о незамысловатости мифа, подчеркивает, что он «вообще исключает неразрешимые проблемы и стремится объяснить трудно разрешимое через более разрешимое и понятное» [3, с. 419]. В пользу историчности свидетельствует то, что содержание мифа подстраивают под парадигму культурно-исторической эпохи, трансформируя в зависимости

от государственных и идеологических ценностей. В мифе задается *сюжетный ход* (С. Бойм), позиционируемый в качестве истины, и описываются идеальные/требуемые образы на основе архетипов, что служит ориентиром для огромного количества людей. Для усиления воздействия и консолидации общества идеологи обращаются в мифах к проблемам власти и подчинения, несправедливости и равенства, зависимости и свободы, подкрепляя их конкретными примерами из истории государства. Среди приемов создания мифа выделим «сакрализацию идей, героизацию событий и деяний отдельных исторических лиц», использование противопоставлений (например, свои – чужие, социализм/коммунизм – капитализм, власть – насилие) и продвижение идеи «о борьбе против "общего врага"» [1, с. 113–114]. Сам миф представляет собой *слово*, высказанное и/или визуально зафиксированное «в письменном дискурсе... в фотографии, кино, репортаже, спорте, спектаклях, рекламе» [4, с. 234]. Миф проникает в разные сферы культуры и виды искусства, что свидетельствует о его всеохватности и универсальности.

Модель устройства общества, представленная в мифе, выступает в качестве эталона. В нем незаметно осуществлена подмена действительного положения дел мифологической реальностью, содержащей в себе элементы вымысла как желаемого, но воспринимаемого в качестве истинного. Онтологический разрыв с реальностью оказывается незамечаемым, и об этом рефлексирует только небольшая группа людей. Сами «мифологические представления постепенно перетекают в бытие человека, становясь навигатором жизненного сценария, "формой жизни"» [5, с. 121]. Сопереживание мифу со стороны людей становится показателем легитимации власти и принятия картины мира, созданной идеологами. Необходимо признать, что специально конструируемые социальные мифы «всегда были и остаются гарантами устойчивого развития общества» [2, с. 31]. В них предложены рамки социальной действительности, служащие ориентиром для людей.

Особого внимания заслуживает ситуация в СССР. Как справедливо отмечает Е. Н. Шапинская, «советская культурная реальность сама по себе была пространством мифологии, сформированной под влиянием идеологических требований и установок» [6, с. 153]. В данный период миф помогал конструировать советского человека, выступая в качестве коммуникативной системы, определяющей не только картину мира, но и взаимоотношения людей внутри социальной системы. Все советские мифы выстраивались вокруг идеи «величия нашей социалистической Родины» с целью воспитания «у советских людей чувства гордости за советскую страну, за наш героический советский народ» и ведения «решительной борьбы против низкопоклонства отдельных граждан СССР перед современной буржуазной культурой»¹. Влиянию советского мифа подчинялись все сферы культуры, жизнь общества и отдельного человека, что позволяет говорить о его тотальности, универсальности и мощной силе управления.

Советский миф как феномен культуры, фиксирующий определенный порядок существования общества, вызывает интерес исследователей, анализирующих его с разных ракурсов. Часть ученых пытается выяснить причины мифотворчества в советском дискурсе, другая – проанализировать специфику разнообразных советских мифов и дать им интерпретацию. Например, Е. П. Аристова оценивает советское бытие через призму исследований второй половины XX в. и начала XXI в., приходя к выводу, что в нем имели место мифы [7]. С. А. Добрецова, В. М. Куимова и В. А. Тирахова актуализируют изучение советской культуры и советского быта в контексте мифов [8]. С. М. Климова, затрагивая проблему изучения в философии СССР советского мифа 50–70-х гг. XX в., замечает, что она была связана с французским структурализмом и немецким символизмом [9]. А. А. Смирнова, И. В. Леонов и И. В. Кириллов рассматривают мифосферу в качестве непрерывной составляющей культуры, включающей в себя ценностно-смысловые доминанты и разного рода сомнительные тексты, что требует для адекватного их восприятия комплексного анализа [10]. А. Л. Топорков резюмирует, что «миф упраздняет реальность и создает на ее месте новую, куда более совершенную и привлекательную»,

¹ Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза (Правда. 1947. 1 мая. № 106 (10497). С. 2) // Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова : сайт. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166089/pages/2> (дата обращения: 21.05.2025).

обладающую «видимостью правдоподобия и наукообразия», а конструируется она «определенными людьми или группами людей»¹. В. М. Насртдинова и Е. А. Аглей называют миф мощным инструментом общественного сознания, выступающим в качестве религиозноподобного мировоззрения. Данные авторы классифицируют советские мифы на основе двух критериев: «а) хронологической интенции вектора мифотворчества», выделяя мифы прошлого, настоящего и будущего, «и б) мифопродуцирующего источника в его отношениях с социальностью» [11, с. 11]. Ю. Г. Коргунюк подчеркивает, что обращение к мифу имело в себе положительные черты, потому что он был «объяснительной конструкцией», заполняющей «собой пространство неизвестного» и защищающей «сознание от дискомфорта, создаваемого наличием гигантских "дыр" и "серых зон" в картине мира» [12, с. 7]. Т. В. Савина обращает внимание на устойчивость советских мифов к разрушениям, причинами чего она видит их встроенность «в языковое сознание советского человека» и подчинение «двум требованиям – обязательности к использованию и массовому характеру распространения» [13, с. 164, 167].

Л. А. Васильева затрагивает проблему возвеличивания мифоконцепта вождя посредством СМИ [14]. Е. Н. Шапинская советский миф пытается осмыслить «в культурных текстах советского периода и в ретропродукции на тему "советскости", распространенной в современной культуре» [6, с. 149]. В. Даренский обращает внимание на переформатирование сознания индивида советским мифом на примере взглядов А. А. Зиновьева [15, с. 91]. А. Д. Попова мифы советского общества рассматривает на основе писем советских людей, «материалов пропаганды и высказываний современных россиян о советском периоде на различных форумах в Интернете» [16 с. 60]. З. И. Резанова анализирует миф о советском народе в контексте советского и постперестроечного дискурсов [17]. И. Б. Фан акцентирует внимание на амбивалентности конструирования советского человека. Исследователь заключает: сталинская культура «с ее явным и неявным, формальным и неформальным символическим содержанием была нацелена на массовое производство рабочей и военной силы по идеальному образцу сознательного коммуниста», «но в реальности сформировался человек советский, мотивируемый на выживание, изменчивый, манипулируемый, подавляющий собственное мнение и индивидуальность, инфантильный, лукавый» [18, с. 40]. Е. В. Калимова миф о советском человеке представляет «в экспозиции советских павильонов на Всемирных выставках», акцентируя внимание на том, что он способствовал необходимому «представлению об СССР не только внутри самой страны, но и за ее пределами» [19, с. 317]. С. Г. Новиков осуществляет реконструкцию мифа о Ленине, его роли в воспитательной деятельности и проектировании нового типа личности [20, 21]. М. Ю. Елепова, затрагивая проблему мифопоэтики прозы Прокопия Явтысого, обнаруживает советский неомиф о Ленине «как новом культурном герое, усвоившем функцию мифологического первопредка по созиданию новой общности людей» [22, с. 113]. Л. А. Закс анализирует мифологию соцреалистического искусства, где проявляются архетипические герои и сюжеты [23]. М. М. Иоскевич в результате анализа произведений белорусских авторов на производственную тематику приходит к выводу: сформировавшийся новый тип личности с его идеалами в действительности «уничтожался административно-командной системой управления», что «свидетельствовало о разрушении социального мифа о "советском человеке"» [24, с. 30]. Изучая мифологему *счастливое детство* в советской литературе, транслирующую идею «все на благо ребенка», Н. Ю. Мочалова резюмирует, что она отражала универсалии социокультурного пространства (коллективизм, приобщенность к труду, любовь к Родине), помогая формировать новый тип личности [25]. Е. П. Панова и Н. Р. Саенко, фокусируя внимание на содержательно-сюжетной стороне художественной литературы для детей, выявляют в ней черты мифа, где главный герой выступает в качестве архетипа героя-жертвы [26]. Богданова О. А., рассматривая произведение А. П. Гайдара «На графских развалинах» с точки зрения мифа, утверждает, что «истинными наследниками непреходящих усадебных ценностей становятся не помещичьи, не графские дети, а советские школьники из простых крестьянских

¹ Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие // Мифотека : сайт. URL: https://mifoteka.ru/articles/reading/toporkov-mifi_i_mifologiya_xx_veka.traditsia_i Sovremennoe_vospriятие.htm (дата обращения: 21.05.2025).

семей» [27, с. 223]. Е. В. Барышева анализирует советские праздники через призму «исторического мифа о революционном движении в России и революции 1917 г.», замечая, что они «выполняли функцию воспитания и формировали новые духовные ценности, внушали чувство сопричастности к событиям 1917 г.» [28, с. 180]. А. В. Голубцова изучает восприятие Советского Союза иностранцами на основе травелогов итальянских литераторов, благодаря чему выявляет следующее: в результате взаимодействия русского и советского мифа сложился образ СССР как «страны детства (индивидуального детства автора травелога либо коллективного детства Европы или всего человечества)» [29, с. 286].

Краткий обзор публикаций показывает разнообразие аспектов изучения советского мифа. Тем не менее вне оптики научного внимания остается и большое количество не проработанных проблем. В связи с этим объектом представленного исследования стали советские мифы, а предметом – конструирование посредством них советского человека. В качестве методов исследования избраны аналитический и герменевтический.

Советский миф сыграл колossalную роль в формировании идентичности советского человека. «Мифическое знание пытается объяснить социальную реальность, исходя из "сакрализации"» [2, с. 9] и идеологии СССР, а советский человек «доверяет "священному", авторитету, гарантированному, подписанному знанию», выстраивая в соответствии с ним свой повседневный опыт [2, с. 9]. Для конструирования советского человека идеологический аппарат СССР создал серию мифов. Они представляли собой сложный и многогранный конструкт, направленный на создание особого типа личности, обладающей определенными качествами. Подчеркнем, «за мифологическими построениями лежит некая социокультурная реальность», определяемая как советская [6, с. 162].

Рассмотрим некоторые основные мифы, повлиявшие на формирование нового типа личности.

Советский человек в нарративах представлял собой идеал личности, обладающей определенным набором положительных качеств. Довольно часто миф о советском человеке преподносился через призму *архетипа Прометея*. Подчеркнем, архетипы относятся к фундаментальным символам и универсальным моделям поведения, присутствующим в коллективном бессознательном человечества, что объясняет обращение к ним в мифах. Они придают мифам смысл, понятный большому количеству людей. В мифах посредством архетипов транслируются культурные ценности и нормы, объясняются существующие традиции и обычаи. Такие мифы предлагают модели поведения и стратегии преодоления жизненных трудностей, основанные на архетипическом опыте. Вместо случайного набора событий миф становится историей, резонирующей с глубинными психологическими потребностями и ожиданиями аудитории. Создаваемый идеологами миф «включает в себя»:

- 1) архетип какой-либо ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования и принуждения;
- 2) содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом;
- 3) систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит "желаемое" с "должным", т.е. со сложившимся архетипом» [1, с. 109]. Использование архетипов в мифах не только способствует долговечности и универсальности последних, но и выступает в качестве ключевого фактора управления человеческим сознанием и поведением. Архетипы служат своего рода строительными блоками, из которых создаются мифические истории, раскрывающие глубинные аспекты человеческой природы и опыта. При этом смысловые функции архетипов зависят «от социально-исторических формаций, часто придававших им совершенно неузнаваемый вид» [30].

Возвращаясь к мифу о Промете, конструирующему советского человека, выделим следующие его черты. Образ Прометея как архетип нового типа личности неслучен. По А. Ф. Лосеву, Прометей делает «людей причастными разуму, воле и свободному развитию» [30]. Совершая культуросозидающий подвиг, Прометей олицетворяет «удел человеческой жизни не как проклятие и наказание за грехопадение, но как оплаченное страданием самостояние человека,

который в неустанном труде строит свой мир» [31]. Прометей был титаном, похитившим огонь для людей и наказанным за это богами. Параллели между образами Прометея и советского человека очевидны. Оба являются героями и борцами за прогресс, высокие идеи и благо человечества. Прометей, осознавая отсталость и беспомощность людей, дарит им огонь, символизирующий знания и прогресс. Советский человек в мифах также позиционировался как строитель нового, справедливого общества, где процветают наука и технологии. Задачей советского человека было преодоление тьмы невежества, капиталистического прошлого и создание светлого коммунистического будущего. Прометей, осознавая последствия своего поступка, добровольно принимает наказание богов: прикованный к скале, он обречен на вечные муки. Эта жертвенность ради блага людей находит отражение в идеологии КПСС и образе советского человека. Его личные интересы подчинялись интересам коллектива, государства и коммунистической партии. Самопожертвование ради дела коллектива, трудовой героизм и готовность отдать жизнь за Родину считались высшими добродетелями. Например, в нарративах герои войны, стахановцы, строители БАМа воплощали собой архетип Прометея. Их образы демонстрировали примеры патриотизма, самоотверженной борьбы/труда и преданности Родине/делу, стимулируя людей совершать подвиги, повышать производительность и достигать высоких результатов.

Но существовал определенный трагический диссонанс, обусловленный искажением идеала за пределами мифа. Прометей, олицетворяя жизнь, является собой не только победы, но и определенные мучения и страдания. Он – «трагический герой культуры», рискующий и приносящий «самого себя в жертву», что делало его «символом самораздирания человечества собственной совестью, символом трагедии сознания» [31]. Ему присуща «мука, вызываемая противоречием между всемогуществом в воображении и бессилием в действительности», неслучайно его «плоть постоянно раздирает Зевесов орел» [31]. Как в случае с Прометеем, образ идеального советского человека не совпадал с реальностью и даже имел определенные деформации. Так, приоритет коллектива над личностью нередко становился подавлением индивидуальности, ограничением свободы и неприменимостью к инакомыслию, жертвенность превращалась в слепое подчинение, а трудовой героизм – в принудительный труд. В этом контексте архетип Прометея приобретает трагическое звучание. Его благородный порыв, направленный на освобождение человечества, оборачивается страданиями и несправедливостью. Точно так же попытка создать советского человека, оторванного от личных интересов и полностью подчиненного идеологии, привела к трагическим последствиям: искажению гуманистических идеалов и подавлению индивидуальной природы.

Миф о советском человеке через призму образа Прометея позволяет увидеть его амбивалентный характер. С одной стороны, он воплощает идеальный образ личности, стремящейся к прогрессу, справедливости и коллективному благу. С другой стороны, он несет в себе опасность деформации идеалов, подавления индивида и трагического разрыва между декларируемыми ценностями и реальной практикой. Рассмотрение мифа о советском человеке в контексте архетипа Прометея позволяет лучше понять его сложные и противоречивые аспекты, а также извлечь уроки из истории создания и разрушения образа нового типа личности.

Квинтэссенцией воплощения мифа о советском человеке стал *миф о вожде*. Он поддерживал культ личности В. И. Ленина, а затем – следующих лидеров Советского государства (И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева и др.). Миф о вожде опирался на систему нарративов, создававших образ идеального правителя, наделенного сверхъестественными способностями и отеческой заботой о каждом советском человеке.

Вождь в нарративах олицетворял идеал советского человека. Для усиления его позитивных качеств в данных повествованиях помимо архетипа Прометея используются архетипы Мудрого старца, Воина и одновременно сверхчеловека как носителя верховной власти и истинного знания. Вождь характеризуется как гениальный глава государства, стратег и эффективный управленец, обладающий уникальным знанием и непогрешимостью в своих решениях. Он отважно ведет народ к коммунизму. Именно от вождя зависит позиция государства на мировой исторической арене и жизнь людей. В данном мифе лидер Советского государства

демонстрировался в качестве мессианской фигуры, предопределенной историей для спасения народа от угнетения и приведения его к светлому будущему. Например, В. И. Ленин изображался как продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, воплотивший их идеи в реальность. И. В. Сталин считался преемником В. И. Ленина, верным хранителем его наследия и мудрым руководителем, способным провести страну через трудности. Данная нарративная линия подчеркивала избранность вождя и его закономерный, исторически необходимый приход к власти.

Именно правитель как вождь в созданных о нем мифах обладал абсолютной истиной, поэтому его решения всегда верны и направлены на благо народа. Вспомним лозунг «Товарищ Ленин/Сталин всегда прав!», выступающий смысловым ядром данной установки. Подобный образ непогрешимости не только обеспечивал политическое послушание со стороны людей, но и подавлял критическое мышление, заменяя его безоговорочной верой в вождя.

Правитель характеризовался как заботливый отец нации, пекущийся о благополучии каждого гражданина, что создавало эмоциональную связь между советским человеком и правителем. Образ Ленина/Сталина/Хрущева/Брежнева, принимающего детей или награждающего передовиков производства, активно тиражировался в пропагандистских материалах и искусстве, укрепляя представление о его отеческой любви и справедливости. Миф о лидере Страны Советов утверждал неразрывную связь между вождем и народом, представляя их как единое целое, движимое общими целями и идеалами. Популярные лозунги (например, «Партия и народ едины!», «Сталин – это мы!») отражали эту идею.

Биография лидеров Советского государства мифологизировалась, превращаясь в череду героических подвигов и самоотверженной борьбы за счастье своего народа. Образ лидера демонстрировался идеализированным: ему приписывали все достижения страны. Героизм играл роль мифологической жертвенности, выступая в качестве дара людям во имя благой миссии, что сакрализировало имя лидера и увеличивало его власть. Реальные факты подвергались избирательной обработке, утрировались или искажались исходя из идеологических целей. Мифологизированное биографическое прошлое служило обоснованием безграничной власти лидера в настоящем и будущем.

Подобные мифы о правителе поддерживались с помощью мощного пропагандистского аппарата. Он включал в себя цензуру, благодаря которой любая информация, противоречащая мифу, пресекалась; пропаганду, подразумевающую подчинение всех сфер культуры (в том числе науки, искусства, образования) задаче прославления лидера и утверждения его непогрешимости; тиражирование высказываний, речей, статей и книг лидера; ритуалы (массовые демонстрации, парады) и символику (памятники, портреты главы государства в каждом кабинете и общественном месте), создававшие атмосферу культа вождя и укреплявшие в сознании людей его главенствующую позицию в государстве.

Мощную роль для поддержания мифа о вожде как сверхчеловеке играли его изображения (фотографии, портреты, памятники, плакаты). Они представляли собой наглядную агитацию, сакрализируя изображаемого и внушая благоговейный трепет перед ним. Обычно лидер страны представлялся как всезнающий вождь, мудрый отец народа, непогрешимый гений. В портретах лидера скрывались недостатки внешности, подчеркивались достоинства и трансформировались идеологические установки. Например, портреты главы государства с детьми олицетворяли его заботу о будущем поколении, с рабочими и крестьянами – единство партии, рабочего класса и крестьянства.

Портреты и фотографии лидера, олицетворявшие свойства всезнания и заботы о каждом, развесивались не только в общественных, но и в приватных пространствах. Их можно было увидеть на заводах и фабриках, в школах и университетах, на площадях и в парках, в различных общественных и культурных учреждениях, на рабочем месте и в квартирах людей. Повсеместное размещение изображений вождя символизировало единство советского человека с ним и партией, безоговорочную преданность идеям коммунизма. Данная ситуация способствовала ощущению близкого присутствия лидера: его всевидящего глаза, всепроникающей силы власти, постоянного наблюдения и заботы о советском человеке. Глядя на лицо правителя, советский человек чувствовал его внимание и заботу, а себя ощущал частью великого целого,

подчиненного высшей цели – движению к светлому будущему. Данные изображения как визуальное (идеализированное) представление стали мощным инструментом пропаганды и формирования идентичности советского человека.

Сам лидер советского государства с целью усиления своей власти прибегал к *пророчествам*, манипулируя воображением людей. Дело в том, что человеку присуще «стремление заглянуть в будущее» и его замещают «идеализированным и мифологизированным» конструктором [12, с. 6]. К числу популярных пророческих нарративов относился миф о светлом будущем – коммунизме, являя собой для советского человека (мифологическое) чудо. Он обещал изобилие, равенство, свободу и бесклассовое общество при условии, что каждый советский человек будет во имя будущего в настоящем самоотверженно трудиться. При этом разность социальных положений в обществе и зарплат уравнивалась мифом о всеобщем равенстве и отсутствии классовой розни, а также понятием *советский трудящийся*, вызывающим чувство гордости. Советским человеком его «права и свободы больше понимались с точки зрения социальной защиты, доступности бытовых благ» [16, с. 64]. Миф о светлом будущем оправдывал текущие трудности и лишения (в том числе дефицит определенных товаров) как временные жертвы на пути к цели.

Но у мифа о вожде была и оборотная сторона. Так, миф о И. В. Сталине, укреплявший его власть, укрывал массовые репрессии, политические чистки, подавление свободы слова и искажение исторических фактов. Критика культа личности И. В. Сталина (десталинизация), начатая Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г., стала первым шагом к деконструкции мифа. Заметим, последствия данного нарратива до сих пор ощущаются в российском обществе, где присутствует определенная неоднозначность отношения к личности И. В. Сталина. Тем не менее миф о вожде в Советском государстве способствовал появлению *культа вождя* или *культа личности*. Вождь сакрализовался и обожествлялся, его идеи и решения считались абсолютными и непогрешимыми. В результате у людей формировались вера в лидера Советского государства и готовность к беспрекословному подчинению его указаниям, что делало незамеченным подавление критического мышления и самостоятельности.

Обратим внимание еще на одну деталь. Вождизм является «характерным для тоталитарных режимов, в том числе для СССР, явлением возвеличивания руководителей всех рангов, от секретарей райкомов и выше», что позволило создавать «маленькие и большие "культы личности"»¹.

В нарративы о советском человеке и вожде внедрялись идеи о нравственных ценностях, целью которых стало формирование определенных качеств индивида. Так, моральный кодекс строителя коммунизма представлял собой набор принципов, которые должны были развивать советские люди и на которые они должны были ориентироваться в своем поведении. В данный перечень входили такие ценности, как коллективизм, патриотизм, трудолюбие, бескорыстное служение обществу. Нарратив о коллективизме содержал идею приоритета общественных интересов над личными. Считалось, что только совместными усилиями можно добиться успеха и построить коммунизм. В связи с этим в детства поощрялись коллективные формы учебы/труда/досуга, в контексте которых критиковались индивидуализм и эгоизм, пропагандировались чувства солидарности и взаимопомощи. В итоге у советского человека формировались чувство ответственности за коллектив, готовность жертвовать личными интересами ради общего блага, стремление к сотрудничеству и взаимопомощи, негативное отношение к индивидуализму и личному обогащению. Нарратив о советском патриотизме транслировал мысль о том, что Советский Союз – самое передовое и прогрессивное государство в мире, родина героев и новаторов, защитник мира и справедливости. В патриотических установках содержались прославления героической истории страны, показывались достижения в науке, технике, культуре и спорте, приводились примеры самоотверженного труда и служения Родине, критиковался западный образ жизни. Любовь к Родине и преданность ей считались высшим долгом каждого советского человека.

¹ Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь истории советской повседневности. М. : НЛО, 2015. С. 112.

В рамках мифа о патриотизме появился миф о всесилии советской науки и техники. Советскому человеку внушалось, что наука и техника – главные инструменты для преобразования мира и построения коммунизма, а советские ученые и инженеры – герои, способные решить любые задачи. В итоге новый тип личности, веря в прогресс, выказывал стремление к образованию и научным знаниям, прославлял научные достижения, освоение космоса, строительство новых городов и заводов, испытывал уверенность в возможности решения любых проблем с помощью науки и техники. В целом миф о патриотизме давал осознание принадлежности к великой державе, укреплял чувство гордости за страну, способствовал готовности к ее защите от врагов и строительству коммунизма.

Для формирования у советского человека чувства национальной идентичности и общности идеологами был создан еще ряд мифов. Среди них выделим миф о советском народе, обладающем исключительностью и определенной избранностью, общими целями и ценностями, что заменяло национальные идентичности наднациональной советской идентичностью. Все граждане СССР должны были ощущать себя частью единого целого. «Вера в единство окружающего бытия становится главенствующей в рамках мифологического сознания, затмевая собой все несомненные и неустранимые различия» [5, с. 90]. Еще одним мифом, направленным на поддержание сплоченности, считался миф о единстве партии и народа. Он подчеркивал неразрывную связь между коммунистической партией Советского Союза и советским человеком, создавая иллюзию всенародной любви и поддержки политики партии.

Для укрепления позитивного образа Родины была создана серия нарративов о героическом прошлом, посвященных доблестным страницам истории (например, Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войне, Великой Отечественной войне). В этих нарративах укрывались негативные моменты, а на первый план выходили значимость событий и проявление в них мужества, смелости и отваги советского народа. Повествования о самоотверженности участников революционных/военных столкновений подчеркивали их стойкость и преданность идеалам, что заставляло советского человека равняться на них. Так, нарратив о Великой Октябрьской социалистической революции интерпретировался не как политический переворот, а как точка рождения нового мира, освобождение от угнетения господствующего класса, начало эры справедливости и равенства. Данный миф, поддерживающий легитимность власти большевиков, олицетворял героическое событие, освободившее народ от гнета капитализма и открывшее путь к коммунистическому раю как обществу благоденствия и процветания. Великая Октябрьская революция прославлялась во всех видах искусства. Советского человека с детства воспитывали на примерах героизма революционеров и преданности идеям коммунизма. Популярностью пользовалась серия книг об активистах общественного движения всех времен и народов «Пламенные революционеры», выходившая в издательстве политической литературы СССР с 1968 г. Благодаря революционным нарративам у личности формировались чувство причастности к великому делу, вера в светлое будущее, готовность жертвовать личными интересами ради общего блага, преданность партии и идеалам коммунизма.

Для объяснения сложных исторических и социальных процессов появились мифы о загнивающем капитализме как системе, обретенной на гибель, в то время как социализм олицетворял прогрессивный и передовой общественный строй; о коварных происках империалистов, рассказывающие о международной напряженной обстановке и злом умысле враждебного капиталистического мира; об исторической закономерности общественного прогресса, приводящего к победе коммунизма. Перечисленные мифы внушали советскому человеку уверенность в неизбежности построения коммунистического общества и оправдывали любые действия партии, направленные на достижение этой цели.

Миф о классовой борьбе поддерживал бдительность и нетерпимость к врагам народа, а позже к диссидентам и инакомыслящим, не разделяющим со всем обществом советские ценности. В данном мифе мир делился на два непримиримых лагеря: пролетариат/угнетенные народы, борющиеся за освобождение, и буржуазия/империалисты, стремящиеся сохранить свое господство. В соответствии с этим в содержании расставлялись акценты на свои

(трудящиеся, рабочий класс, крестьяне) и *чужие* (эксплуататоры, враги народа). Также подчеркивались идеи о несправедливости капиталистического мира, звучали призывы к бдительности и борьбе с врагами.

Необходимо признать, *образ врага* относится к числу архетипических. Враг у советского человека был как внешним, так и внутренним. Внешний враг виделся в лице капиталистических западных стран, империалистов и капиталистов, которые представляли собой воплощение антигуманного начала и главную угрозу советскому человеку и советскому народу в целом. С ними необходимо было вести (виртуальную) борьбу. Уже в «Обращении ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза», опубликованном в газете «Правда» № 106 от 1 мая 1947 г., встречаем следующий тезис: «В публичных лекциях члены Общества¹ должны разъяснять внешнюю политику Советского государства, решительно разоблачать провокаторов новой войны и агрессии, показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии, вскрывать реакционную сущность идеологии современной империалистической буржуазии и ее реформистских прислужников»². Капитализму в мифологических нарративах даются следующие характеристики: *проявление вседозволенности, отсутствие стабильности и равенства, безработица, эксплуатация людей, власть денежных отношений, симуляция жизни, господство пошлости*. Миф о капитализме поддерживается образными метафорами: в капиталистических странах «копошаются гады контрреволюции», «оскаливается гидра буржуазии», «воют шакалы империализма», «зияют пастью финансовые акулы», что способствовало поддержанию «идеи об усилении классовой борьбы» [1, с. 113].

К внутренним врагам относили космополитов, формалистов, диссидентов, врагов народа, которые не соответствовали образу советского человека, идеологическим требованиям и подвергались преследованиям. Эксплуатировался в советском дискурсе и миф о мещанах. Это был исчезнувший в СССР класс. Мещанский образ жизни ассоциировался с вещизмом и накопительством, и с ним периодически боролись в стране. «Мещанская флора и фауна остаются прежними – искусственные цветы, канарейки и граммофонные пластинки», и подобному быту в 60-е гг. XX в. противопоставляется романтический: романтик «не сидит в уютном гнезде, а торопится "убежать за поворот" или уехать "за туманом и за запахом тайги"» [32, с. 97].

В целом мифы о классовой борьбе и врагах формировали ненависть к противникам, недоверие к капиталистическим элементам, солидарность со своими, сплоченность коллектива и готовность к борьбе за победу коммунизма во всем мире. Помимо этого, данный миф оправдывал репрессии и преследования.

С целью эффективного внедрения мифов, конструировавших новый тип личности, идеологи эксплуатировали законы мифологического мышления, следы которого сохраняются в (бес)сознательном индивида. Так, согласно законам мифотворчества в нарративах необходимо наличие *бинарных оппозиций*: например, своего – чужого, друга – врага, героя – злодея, добра – зла, положительного – отрицательного. Они задают динамику развитию сюжета через противопоставление, демонстрируя в противовес негативному выгодные стороны идеального мироустройства. Обращение к бинарным оппозициям продиктовано человеческой психологией: «чтобы была воспринята та или иная фигура, нужен "фон"», контрастная фигура [1, с. 114]. Борьба оппонентов привлекает внимание и заставляет сделать выбор в пользу хорошего и благоприятного.

В рамках советских мифов обнаруживает себя и *принцип подобия*: «как вверху, так и внизу». Он подразумевал повторяемость мировидения всеми системами внутри страны. Все идеологические установления, принимаемые лидером государства и правительством, внедрялись на всех нижестоящих уровнях, в том числе в семье как ячейке общества. Советскому

¹ Речь идет о Всесоюзном обществе «Знание» по распространению политических и научных знаний.

² Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза (Правда. 1947. 1 мая. № 106 (10497). С. 2) // Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова : сайт. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166089/pages/2> (дата обращения: 21.05.2025).

человеку вменялось равняться на лидера государства, героев страны и передовиков производства, повторяя их образ мысли и действий в своем повседневном опыте и трудовой деятельности.

Наблюдается в мифах, конструирующих советского человека, и *закон сгущения*, проявляющийся в стремлении к определенному единству мира: *все соединяющее совпадает*, поэтому часть не только представляет собой целое, но и есть это целое. Данный тезис заключался в единомыслии (большинства) советских людей, исповедующих марксистско-ленинскую идеологию, исполняющих волю партии и равняющихся в коллективе на лучших – передовиков производства, героев труда.

Благодаря мифам конструировался новый тип личности, обладающий «советской (социальной, идейной) идентичностью», более значимой, чем этническая [17, с. 111]. Советский человек определялся в качестве *трудящегося*, у которого было сформировано «особое мировоззрение, особый характер, особые черты поведения» [17, с. 111]. Мифы, конструирующие советского человека, активно распространялись в образовательных учреждениях и трудовых коллективах партийными и общественными организациями, в том числе лекторами общества «Знание», СМИ и искусством, что способствовало эффективности их воздействия на людей.

В заключение отметим следующие моменты. Миф инвариантен. В его содержании акцентируется внимание на системе ценностей социального бытия, не допускающей сомнений, что позволяет говорить о нем как эталоне, на который равняются люди в своей жизнедеятельности. Любые негативные моменты, порочащие систему устройства общества, в мифе укрываются, ретушируются, романтизируются или оправдываются. Сам миф обладает вербальным и визуальным форматом, активно транслируясь в обществе. В результате, выступая в качестве мотивационного рычага как стремления к лучшему, он становится мощным инструментом управления общественным сознанием и мнением, что нашло отражение в советских мифах.

Советские мифы были мощным инструментом социального конструирования советского человека, формировали у него определенный тип мировидения и мышления, шкалу ценностей и убеждений. Они представляли собой грандиозную попытку создания нового типа личности в соответствии с (утопическими) идеалами коммунистического общества. Образ советского человека, созданный в мифах, есть проект желаемого, к которому следовало стремиться каждому. Сами мифы представляли собой *телеологический конструкт*, обладающий определенной целью и транслирующий способы ее достижения. Устойчивости советских нарративов способствовали их форма мифического, сюжетный ход и архетипическое содержание.

Согласно нарративам советский человек не только принадлежал к определенному общественному устройству, но и обладал набором качеств. В число обязанностей индивида входили: выражение преданности Советскому государству и его коммунистической идеологии, уважение к власти и подчинение партийной дисциплине, обладание научно-материалистическим мировоззрением и идейной осмыслинностью жизни, смелостью и героизмом, проявление патриотизма и готовности к защите Родины в борьбе с идеологическими противниками/предателями/врагами народа, умение подчиняться коллективу и выполнять совместно с ним поставленные задачи, наличие трудолюбия и дисциплинированности, стремление достичь высоких целей коммунизма посредством вовлеченности в общественную жизнь. Необходимо отметить, что советский человек одновременно совмещал в своем мировоззрении научно-материалистическое и идеалистическое мировоззрение, что гармонизировало его, делая натураой цельной. Убежденный в материальности мироздания, он был воодушевлен идеей построения светлого будущего. Конструкт идеального советского человека воспринимался в качестве должного эталона, принципы которого внедрялись в жизнь.

Миф, моделирующий новый тип личности, представлял собой ряд нарративов, базировавшихся на архетипах и содержащих в себе идеологический аспект. Внедрение мифа в сознание индивида начиналось с раннего возраста посредством системы воспитания и образования, а впоследствии он проникал во все сферы жизнедеятельности (профессиональную деятельность и трудовые отношения, личную и общественную жизнь, повседневные практики и досуг).

Говоря о советских мифах, необходимо различать как их конструктивное воздействие на советского человека, так и деструктивное. Среди положительных черт советских мифов назовем их содержательную идеальность, благодаря которой новому типу личности внушались преданность Родине и чувство коллективизма, готовность к труду и самопожертвованию, стремление к знаниям и прогрессу. Мифы способствовали ощущению стабильности, формировали у личности экзистенциальную цель, связанную с переустройством общества, и образы для подражания в виде вождя, ударников труда, героев значимых событий. Индивид искренне верил в идеалы коммунизма, преданно служа своей стране ради достижения общей цели – построения коммунистического общества. Хотя со временем многие мифы были разоблачены, их влияние на формирование мировоззрения советских людей невозможно преуменьшить.

В числе негативных факторов влияния мифов назовем конформизм индивида, слепую веру в авторитеты, подавление уникальности, растворение Я в Мы, нетерпимость к инакомыслию, двойные стандарты, обусловленные расхождением между официальной идеологией и реальной жизнью. Мифы, конструирующие советского человека, внушались с раннего возраста и нередко приводили к тому, что у личности формировался страх несоответствия советским идеалам и чувство вины перед обществом из-за нарушения коллективной этики. Более того, идеальный образ советского человека и реальный советский человек не совпадали, создавая основания для внутренних конфликтов и/или почву для проявления лицемерия, двойных/тройных стандартов (по принципу «думаю одно, говорю другое, делаю третье»), что ощущалось некоторыми людьми.

Отметим, эффективность воздействия советских мифов была различной для разных поколений людей и социальных групп, что позволило даже классифицировать советского человека на *настоящего, типичного, отчасти советского и «лишнего»* [17, с. 118]. Исчерпание ресурсов для поддержания стабильности и развития социальной системы влияет на миф, который теряет свою эффективность и в котором начинают находить элементы деструктивности. Крах советской системы показал несостоительность многих мифов, созданных системой, но их отголоски по-прежнему можно усматривать в современном обществе, и они остаются актуальными в новых условиях. Мифы, конструирующие советского человека, породили множество противоречий и конфликтов, но одновременно оставили глубокий след в истории и культуре, заставляя нас задуматься о природе человека, границах социального конструирования, соотношении идеала и реальности.

Идея конструирования личности на основе мифов актуальна и в современном мире, что требует комплексного анализа проблемы с выявлением сильных и слабых сторон процесса. Понимание механизмов действия советских мифов, способствующих моделированию индивида, необходимо для осмыслиения истории и культуры советской эпохи, а также для современности, в том числе для лекторов возрожденного общества «Знание», в функции которых входит сохранение культурного кода России, формирование личности, трансляция ценностей и воспитание патриотизма.

Список литературы

1. Яковлева Е. Л. Игровая природа мифа и современная культура : монография. Казань : Познание, 2011. 168 с. EDN: [YNIPRH](#)
2. Бондаренко Н. Г. Общество и знание: социальная конструкция реальности : монография. Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2022. 152 с. EDN: [QOXUCI](#)
3. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М. : РГГУ, 2008. 571 с.
4. Барт Р. Мифология : монография / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 2004. 314 с. EDN: [QWGRUD](#)
5. Яковлева Е. Л. «Человек играющий» и творящий : монография. Казань : Познание, 2011. 179 с. EDN: [QXCHQP](#)
6. Шапинская Е. Н. Советский миф в пространстве культурных коммуникаций // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1 (51). С. 149–164. doi: [10.34130/2233-1277-2024-1-149](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-149) EDN: [TVUYYS](#)

7. Аристова Е. П. «Помыслить советское бытие»: советские, российские и зарубежные исследования второй половины XX – начала XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 184–192. doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192) EDN: KPZNUX

8. Добрецова С. А., Куимова В. М., Тирахова В. А. Исследовательская парадигма советского бытия: социокультурные и философские аспекты // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 225–233. doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233) EDN: WQONXA

9. Климова С. М. Мифологическое сознание в теориях советской философии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 6–17. doi: [10.24412/1997-0803-2020-597-6-17](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-6-17) EDN: CQEIRE

10. Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации. Статья 2 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2 (44). С. 146–169. doi: [10.34130/2233-1277-2022-2-146](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146) EDN: PCHKHX

11. Насртдинова В. М., Аглей Е. А. К вопросу об особенностях мифогенеза современности и мифологизации общественного сознания (обзорный контент-анализ) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 10–15. EDN: WJBAPH

12. Коргунюк Ю. Г. Советское прошлое как миф и повестка // Полития. 2024. № 2 (113). С. 6–25. doi: [10.30570/2078-5089-2024-113-2-6-25](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-113-2-6-25) EDN: GBVVDK

13. Савина Т. В. Говорить по-большевистски? Язык партийца в литературе «оттепели» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 164–179. doi: [10.31518/2618-9100-2022-6-13](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-6-13) EDN: AREXPR

14. Васильева Л. А. Конструирование советского мифа вождизма и его транслирование каналами средств массовой информации // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 41–47. EDN: RRSCJB

15. Даренский В. Александр Зиновьев как советский традиционалист // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 89–107. doi: [10.24030/24092517-2023-0-1-89-107](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-89-107) EDN: DYOQFZ

16. Попова А. Д. Сделано в СССР: мифы советской эпохи как элемент российской ментальности и их историческая трансформация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 60–73. EDN: OPMTII

17. Резанова З. И. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: переконструирование мифа // Ностальгия по советскому : монография. Томск : Томск. гос. ун-т, 2011. С. 110–126. EDN: TYAGJB

18. Фан И. Б. Отношение к человеку в официальной советской политической культуре конца 1920-х – начала 1950-х гг.: конструирование героя и мобилизация масс // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 4. С. 30–47. doi: [10.17506/18179568_2022_19_4_30](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30) EDN: BAQGJL

19. Калимова Е. В. Один советский миф: «новый человек» и его репрезентация на Всемирных выставках (1937–1958) // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2022. № 63. С. 317–326. EDN: IMHWSY

20. Новиков С. Г. Генезис «ленинского мифа» в отечественном воспитании // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 1 (65). С. 151–164. EDN: KPNYRU

21. Новиков С. Г. «...Живее всех живых»: образ Ленина в советском воспитании 1920-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (144). С. 4–10. EDN: JIVJID

22. Елепова М. Ю. Мифопоэтика прозы Прокопия Явтысого: конвергенция магической ритуалистики и советских идеологем // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3 (44). С. 113–125. doi: [10.25693/SGVG.2023.44.3.010](https://doi.org/10.25693/SGVG.2023.44.3.010) EDN: YKRUTQ

23. Закс Л. А. Мифология forever. Универсальное/вечное и конкретно-историческое в мифологии искусства соцреализма // Искусство Евразии. 2022. № 1 (24). С. 166–181. doi: [10.46748/ARTEURAS.2022.01.016](https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.016) EDN: JBWOIG

24. Иоскевич М. М. Социальный миф и бинарная оппозиция «свой – чужой» (на материале белорусских произведений производственной тематики) // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 1. С. 27–31. EDN: GRGCQA

25. Мочалова Н. Ю. Мифологема «счастливого детства» в советской детской литературе // KANT: Social science & Humanities. 2024. № 2 (18). С. 23–28. doi: [10.24923/2305-8757.2024-18.4](https://doi.org/10.24923/2305-8757.2024-18.4) EDN: GGGADT

26. Панова Е. П., Саенко Н. Р. Героический миф в произведениях советских детских писателей // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6, № 4. С. 15–34. doi: [10.12731/2576-9782-2022-4-15-34](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-4-15-34) EDN: JAMSAM

27. Богданова О. А. «Криптоусадебная мифология» в повести А. П. Гайдара «На графских развалинах» // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 215–225. EDN: [DNYGZO](#)
28. Барышева Е. В. Мифологизация истории в праздничных мероприятиях 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 180–193. doi: [10.28995/2073-0101-2020-1-180-193](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-1-180-193) EDN: [RAUPNQ](#)
29. Голубцова А. В. Взаимодействие «русского» и «советского» мифа в итальянских травелогах о Советском Союзе второй половины 1950-х годов // Шаги/Steps. 2023. Т. 9, № 1. С. 266–290. doi: [10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290](https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290) EDN: [CUPHCI](#)
30. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 319 с.
31. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем., послесл. В. С. Малахова ; коммент. В. С. Малахова, В. В. Бибихина. М. : Искусство, 1991. 366 с.
32. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 310 с.

References

1. Yakovleva YE.L. *Igrovaya priroda mifa i sovremennaya kul'tura: monografiya = The playful nature of myth and contemporary culture: a monograph*. Kazan: Poznaniye, 2011:168. (In Russ.)
2. Bondarenko N.G. *Obshchestvo i znaniye: sotsial'naya konstruktsiya real'nosti: monografiya = Society and knowledge: the social construction of reality: a monograph*. Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoye agentstvo na KMV, 2022:152. (In Russ.)
3. Meletinskiy YE.M. *Izbrannyye stat'i. Vospominaniya = Selected articles. Memories*. Moscow: RGGU, 2008:571. (In Russ.)
4. Bart R. *Mifologii: monografiya = Mythologies: monograph*. Transl. from French by S.N. Zenkin. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 2004:314. (In Russ.)
5. Yakovleva YE.L. «*Chelovek igrayushchiY» i tvoryashchiy: monografiya = "Man Playing" and Creating: a monograph*. Kazan: Poznaniye, 2011:179. (In Russ.)
6. Shapinskaya YE.N. The Soviet myth in the space of cultural communications. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye = Man. Culture. Education*. 2024;(1):149–164. (In Russ.). doi: [10.34130/2233-1277-2024-1-149](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-149)
7. Aristova YE.P. “To think about Soviet existence”: Soviet, Russian and foreign studies of the second half of the 20th – early 20th century. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;(5):184–192. (In Russ.). doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192)
8. Dobretsova S.A., Kuimova V.M., Tirakhova V.A. Research paradigm of Soviet existence: socio-cultural and philosophical aspects. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;(5):225–233. (In Russ.). doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233)
9. Klimova S.M. Mythological consciousness in theories of Soviet philosophy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2020;(5):6–17. (In Russ.). doi: [10.24412/1997-0803-2020-597-6-17](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-6-17)
10. Smirnova A.A., Leonov I.V., Kirillov I.V. Historical myth: features of genesis, paths of "reification," and methods of implementation. Article 2. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye = Man. Culture. Education*. 2022;(2):146–169. (In Russ.). doi: [10.34130/2233-1277-2022-2-146](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146)
11. Nasrtdinova V.M., Agley YE.A. On the issue of the peculiarities of mythogenesis of modernity and mythologization of public consciousness-I (review content analysis). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2016;(2):10–15. (In Russ.)
12. Korgunyuk YU.G. The Soviet past as myth and agenda. *Politiya = Polity*. 2024;(2):6–25. (In Russ.). doi: [10.34130/2233-1277-2022-2-146](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146)
13. Savina T.V. Speak Bolshevik? The language of a party member in the literature of the "thaw". *Istoricheskiy kur'yer = Historical courier*. 2022;(6):164–179. (In Russ.). doi: [10.31518/2618-9100-2022-6-13](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-6-13)
14. Vasil'yeva L.A. The construction of the Soviet myth of leaderism and its broadcasting by mass media channels. *Regionologiya = Regional studies*. 2013;(4):41–47. (In Russ.)
15. Darenkiy V. Aleksandr Zinoviev as a Soviet traditionalist. *Tetradzi po konservatizmu = Essays on conservatism*. 2023;(1):89–107. (In Russ.). doi: [10.24030/24092517-2023-0-1-89-107](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-89-107)
16. Popova A.D. Made in the USSR: Myths of the Soviet era as an element of Russian mentality and their historical transformation. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Yesenina = Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2019;(2):60–73. (In Russ.)
17. Rezanova Z.I. The mythologem "Soviet man" in the context of the post-perestroika era: reconstructing the myth. *Nostal'giya po sovetskemu: monografiya = Nostalgia for the Soviet Union: a monograph*. Tomsk: Tomsk. gos. un-t, 2011:110–126. (In Russ.)

18. Fan I.B. Attitudes toward man in official soviet political culture of the late 1920s – early 1950s: constructing the hero and mobilizing the masses. *Diskurs-Pi = Discourse-P*. 2022;19(4):30–47. (In Russ.). doi: [10.17506/18179568_2022_19_4_30](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30)

19. Kalimova YE.V. One Soviet myth: the “new man” and his representation at the World Exhibitions (1937–1958). *Nauchnyye trudy Sankt-Peterburgskoy akademii khudozhestv = Scientific works of the St. Petersburg Academy of Arts*. 2022;(63):317–326. (In Russ.)

20. Novikov S.G. The Genesis of the "Leninist Myth" in Russian Education. *Otechestvennaya i zareubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2020;1(1):151–164. (In Russ.)

21. Novikov S.G. "...More alive than all the living": the image of Lenin in Soviet education in the 1920s. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020;(1):4–10. (In Russ.)

22. Elepova M.YU. Mythopoetics of Procopius Yavtysy's prose: convergence of magical rituals and Soviet ideologemes. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2023;(3):113–125. (In Russ.). doi: [10.25693/SVGV.2023.44.3.010](https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.44.3.010)

23. Zaks L.A. Mythology forever. The universal/eternal and the concrete-historical in the mythologism of socialist realist art. *Iskusstvo Yevrazii = Eurasian Art*. 2022;(1):166–181. (In Russ.). doi: [10.46748/ARTEURAS.2022.01.016](https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.016)

24. Ioskevich M.M. Social myth and the binary opposition "friend or foe" (based on Belarusian works on industrial themes). *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Achievements of the Humanities*. 2022;(1):27–31. (In Russ.)

25. Mochalova N.YU. The mythologem of "Happy Childhood" in Soviet children's literature. *KANT: Social science & Humanities*. 2024;(2):23–28. (In Russ.). doi: [10.24923/2305-8757.2024-18.4](https://doi.org/10.24923/2305-8757.2024-18.4)

26. Panova YE.P., Sayenko N.R. The heroic myth in the works of Soviet children's writers. *Russian Studies in Culture and Society*. 2022;6(4):15–34. (In Russ.). doi: [10.12731/2576-9782-2022-4-15-34](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-4-15-34)

27. Bogdanova O.A. « "The Cryptoid Estate Mythology" in A.P. Gaidar's story "On the Count's Ruins". *Novyy filologicheskiy vestnik = New Philological Bulletin*. 2024;(3):215–225. (In Russ.)

28. Barysheva YE.V. Mythologization of history in festive events of the 1920s and 1930s. *Vestnik arkhivista = Archivist's Bulletin*. 2020;(1):180–193. (In Russ.). doi: [10.28995/2073-0101-2020-1-180-193](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-1-180-193)

29. Golubtsova A.V. The Interaction of the "Russian" and "Soviet" Myths in Italian Travelogues about the Soviet Union in the Second Half of the 1950s. *Shagi/Steps*. 2023;9(1):266–290. (In Russ.). doi: [10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290](https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290)

30. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo = The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo, 1995:319. (In Russ.)

31. Gadamer G.G. *Aktual'nost' prekrasnogo = The relevance of beauty*. Transl. from German, afterword by V.S. Malakhov; comments by V.S. Malakhov and V.V. Bibikhin. Moscow: Iskusstvo, 1991:366. (In Russ.)

32. Boym S. *Obshchiye mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni = Commonplaces: the mythology of everyday life*. Moscow: Novoye lit. obozreniye, 2002:310. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. Л. Яковлева – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимиряева, 420111, г. Казань, ул. Московская, 42. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

E.L. Iakovleva – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, 42 Moskovskaya street, Kazan, 420111. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 16.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025